

ПЕРЕД БОЕМ. Танкисты части т. Лавренко дают торжественную клятву выйти из сражения победителями.

Фото специального военного корреспондента «Известий» Г. Вельма (Юго-Западный фронт).

Люди железной воли

Н. ТИХОНОВ

Советский народ гордится людьми величайшей воли, такими народными героями, как Битов, Державинский, Щорс, Лазо. Их жизнь, их деяния свидетельствуют о беспредельном мужестве. Сколько пришлось им вынести лишений и трудностей, но они умели преодолевать их, умели в тяжелые минуты поднимать дух соратников, умели вдохнуть уверенность в победу, сокрушить врага.

Мы знаем и массовый героизм, который совершал чудеса. На Переконском валу под страшным огнем, на снежных полях Волочаевки, на склонах Черноморья и в степях Северного Кавказа в длинные и грозные дни похода Таманской армии был он пронесен с такой силой, что остался в проходах и джунглях народа.

Люди железной воли строили в гущине тайги прекрасные города молодости — Комсомольск. Векские джунгли уступили их величественному упорству. Люди такой же большевистской породы закрывали черные пороги Днепровской широкой водой, поставили плотину, которой дивился мир. И они же нашли в себе мужество взорвать ее, чтобы не отдавать врагу. Слезы сохли на их глазах от жара той ненависти, что жгла их в эту минуту.

Однажды немцы в районе Новгорода неожиданно появились над нашим аэродромом. Но наши самолеты успели взлететь им навстречу. Начался бой. Лейтенант Шаров пошел в лоб на фашистского яврата. И тут участники боя увидели необыкновенное зрелище. Фашист шел, не сворачивая. Все думали, что сейчас один из лучших повернет, но оба шли прямо в лоб друг другу. Они столкнулись с силой, не поддающейся описанию. В воздухе сверкнули какие-то синие брызги, и все. То, что случилось в следующее мгновение, еще удивительнее. Все меньше летчики повернули машины, бежали в панике прочь. Наши устремились их преследовать. Тут, в этом поединке оказалась вся разница между летчиками фашистскими и советскими. Для фашистов поведение их соратника показывало таким безумным, что оно парализовало их волю, оно лишило их уверенности, оно их обесценило. Они увидели только ужас в этом поединке. Шаров же действовал спокойно и хладнокровно, с той волей, которая не позволяет уступать превосходству врага. И он победил, но победил.

Он тут же незримо участвовал в продолжавшемся бою, в погоне за разбитым врагом, как и тот связист, что, будучи смертельно ранен за связыванием оборванного провода, взял концы провода в зубы и так умер. Через него шла прицепка, поддерживавшая связь, управленческие боссы — он и верный жил в бою, он способствовал победе. Это был человек великой воли, огромной силы души.

Десять дней провел механик-водитель Коваленко, оставшийся один в танке, окруженный немцами, сражаясь с ними и на их предложение сдать его отчаянно кричащим народным словом. Он не выдал себя, но он до конца оставался уверенным в себе, хотя и изнемог от холода и голода. И он выстоял на своем посту. Наши ворвались в деревню и освободили Коваленку. Он не мог сам выйти из танка, его вынесли. Но, когда его вынесли, он улыбнулся улыбкой победителя. Такого человека ничем нельзя запугать, нельзя победить.

Таковы и моряки наши, в одном темном пятачке, с гранатами в руках идущие в атаку, таковы артиллеристы — наблюдатели, принимающие огонь на себя, чтобы метче поразить врага. Таковы партизаны, день и ночь преследующие врага в его тылу, таковы бойцы самой замечательной армии в мире.

Но и в тылу огромная сила воли придает советским людям не меньше, чем на войне, перед лицом смерти.

Николай Луни — человек, отдавший свои знания, труд, свое сердце паровозу. Он намного увеличил среднесуточный пробег, у него локомотив проходил сто тысяч километров без ремонта. Он рылся во всем хламстве паровозного парка и ввел массу новых методов в порядок ремонта, в экономию материалов.

Он, как настоящий хозяин, пришел в блестящее состояние любимое дело. Недаром его имя стало нарицательным, недаром ему подражают лучшие железнодорожники Союза.

Поезда мчатся по нашей земле, а в земле таится богатства еще больше, чем

те, что возятся прямо в товарных вагонах. Мы их осваиваем постепенно, осваиваем благодаря героическому упорству, великой научной энергии наших ученых-геологов. Они неутомимы в поисках нового. Не сразу, о, далеко не сразу дается это новое в геологии. Туда, куда идут геологи, иногда и вот никаких путей. Они их прокладывают сами. Они тратят года на поиски подземных богатств и их находят, не боясь опасностей и лишений. Так, один из первых казахов, пришедший в науку после Октября, Каныш Сатпаев стал геологом. Овладев знаниями горного изыскателя, он бросился на поиски новых богатств своей родины. Свой труд и себя Каныш Сатпаев посвятил району Джезказгана, и он добыл рудные попуты медь, марганец, железно и другие виды минерального сырья.

А если мы возьмем сейчас труды рабочих на бесчисленных заводах и фабриках нашего Союза? Сколько волевых мастеров, организаторов, изобретателей, станочников найдем мы! На голом месте ставят заводы производства, эвакуированные заводы, развертывают в пустынях старые заводы, поднимают до небывалого уровня продукцию, — все это дела сегодняшних дней, сегодняшних героев.

Трамазильщик и железнодорожник, водичник поезда под огнем и бомбами, тушивший пожары составов со спартаки, работавший наравне с теми мирными пассажирами, что перегоняют стада с высоких лугов на низменности, спасаая овечьи отары во время бурана.

Они тоже воюют, они тоже борются, как военное имущество, овец, быков и коров. Они соревнуются за то, чтобы в их стадах при перегонах не было потерь. Они соревнуются с ударами облойных молотков в шахтах Кузбасса и со сталеваками Урала, и с текстильщиками Ижевска, и с хлопководцами Самарканды.

Люди Ленинграда — это работники железной воли. И те, кто работал на укреплениях, строя их день и ночь под дождем холодной осени, под снежными бурями, голодными, перебежками пробирались на работу на завод, осмысливая тысячами вражеских снарядов, они под огнем производили ремонт боевых машин с таким оповиением, будто это было в тихие, обычные часы.

А по весне все вышло на улицы — убирать город, чистить его, приводить в порядок дворы, улицы, площади, каналы. Надо понимать, что значит недошедшему подвода человеку взять в свои руки лоп и лопату, кирку и работать с таким упованием, с каким работали ленинградцы.

Сотни тысяч людей ежедневно выходили на эту работу, не имеющую прецедента в истории. Зрелище, не описанное ни одним писателем. Они работали сутки за сутками, неделю за неделей, они падали от усталости, но освободили город от всей грязи, и он поднялся снова без сурробров, без гряды мусора, остатков небывалой зимней осадки, такой же прекрасной, как всегда, даже еще прекрасней.

Вы идете по чистым асфальтам, торцам и бульварам, и вы удивляетесь, какой великий работник здесь, чтобы привести все в такой порядок. Этот великий — простой ленинградский человек, советский человек с большевистской волей к победе.

На нашей родине идет мудрое соревнование творчества во имя отечества, во имя победы. Войска, возглавляемые великим полководцем, имя которому Сталин, имеют неисчерпаемые резервы и тыл, который борется за победу на фронте, и силы этого тыла также бесценны. С полем Союза отвечает им большевистская армия колхозников, создающая урожай победы.

Майское соревнование расширяется с каждым днем. Приходит Первое мая, и будут названы победители этого соревнования, но это соревнование не кончится, оно будет продолжаться и шириться.

Никакие вражеские силы не властны победить страну, воспитанную людьми такой несокрушимой воли. Великая партия Ленина — Сталина возглавляла советский народ, вооруженный техникой, боевой и производственной, для величайших битв за свободу.

Такой народ победить нельзя! Победим мы!

Победа будет за нами!

Бить и добивать врага!

Герой Советского Союза
М. ВОДОПЬЯНОВ

Пять за пять освобождает нашу землю от фашистских полчищ героическая Красная Армия. Не одна дивизия «веческих фрицев» уже раздвлена и перемолота нашими бойцами. На фронт идет все больше и больше поездов с танками, самолетами, минометами, боеприпасами, вооружением. Красная Армия получает все, что ей необходимо для разгрома врага.

От больших и малых дел, которые творят советские патриоты, на душе становится по-праздничному радостно. Весь наш многомиллионный народ кует победу над злейшим врагом человечества — фашизмом.

Я выполнял несколько боевых вылетов и скажу откровенно: ни от одного из перелетов в довоенное время я не получал такого удовлетворения, как сейчас, когда я выполняю боевое задание. Вдохновляет одно сознание того, что ты громишь фашистских бандитов, попираешь на твое отечество. Трудно передать «вещность», которую ты испытываешь, когда обрушиваешь тонны смертоносного груза на голову злого врага, терзающего наших женщин и детей, сжигающего наши города и села. Ты прилагаешь все старания, чтобы бомбы попадали в цель, чтобы враг понес наибольший урон.

Как-то мне пришлось бомбить одну узловую станцию. Летели на высоте 5.000 метров, и я чувствовал, что мы находимся над станцией. Но цель была закрыта облаками. А ведь как хочется пустить бомбы точно по назначению! Принимаю решение: снизиться под облака. Но это оказалось трудной задачей. Вот уже высота 3.000 метров — облака не кончатся. 2.000 — облака, да еще обледенели! 1.000 метров — снова облака. Что делать? Бросить бомбы по расчету времени? Нет, нельзя, можно ошибиться. Решил еще снизиться. 700 метров — увидел землю: станцию! Забегали прожектора, абухали зенитки. Несмотря на жестокий обстрел, на душе радость. Штурман провел самолет прямо на цель. Крутой разворот влево. Казалось, можно уже бросить бомбы. Но вдруг цель исчезла. Когда сделали круг, мы ее потеряли. А стрельба продолжается. Прожектора то поймат нас, то вышут из поля зрения. Наконец, мы нашли цель. Положили все бомбы. Положили как следует, куда полагалось!

Приходилось летать и днем. Привозили немало пробоин. Но без этого нельзя — война! Какое счастье, как говорил Чакалов, пока сердце бьется и руки крепко держат штурвал, а глаза видят землю! Какое счастье летать и уничтожать фашистских мерзавцев!

В огне отечественной войны закаляются наши летные кадры. Каждый день рождает новых героев, потому что не было еще такой благородной, такой справедливой войны, какую ведем сейчас мы. Мы верим в успех нашего дела, потому что оно правое. Вексокрушающая сила нашего народа развет в прах гитлеровских захватчиков.

Беспримерны подвиги сталинских соколов. 18 немецких бомбардировщиков в сопровождении 9 истребителей пытались на одном из участков фронта остановить наступление наших бойцов. Навстречу им бросилось звено советских истребителей. Три против 27! Сорок минут длился бой. Летчики-истребители Азидов, Селпцев и Бакин заставили немцев отступить.

Зорко охраняют сталинские соколы московское небо, город Ленина, заводарный Мурманск. Не одна сотня вражеских «кассов» нашла здесь себе могилу. Мы, старое поколение летчиков, гордимся делами нашей молодежи. И на фронте вместе со своим сыном, в одном и том же полку. Я говорю своему сыну Василию Водополянину: «Бей врага изо всей силы. Если кончатся патроны, таран поможет тебе уничтожить стервятника».

С таким же призывом я обращаюсь ко всей нашей летной молодежи. Дорогие сыны! Вы выросли в счастливое время, не зная нужды. Защищайте родину до последнего вздоха, до последней капли крови. Пока бьются наши сердца, пока крепки руки и глаза хорошо видят цель, давайте со всего плеча, изо всех сил бить и добивать врага.

Мы идем к тебе, Украина!

Сава ГОЛОВАНОВСКИЙ

Мы идем к тебе, Украина! В дни, когда освещенная осенним солнцем, окисляет твою землю, когда серебряные ручьи падают с круч, облакая свисающими пласты красной глины, мы напрягаем свои силы, чтобы на руках выкачать пушки на завоеванные высоты. Совсем недавно по этому же пути мы отступали. Как по ветхам, идем мы по скелетам черных, обугленных машин. Это дорога боев за каждую пядь советской земли, за каждую ее пылинку. Кровь, пролитая по дороге на Восток, вдохновляет нас и ведет по дороге на Запад.

Мы идем к тебе, Украина! Мертвые, убитые стоят твои села. Кладбищенской тишиной обята земля. Земля твоя лежит, как скальный великан, обреченный на вынужденное безделье, изуряемый жаждой трудящихся, жаждой ворочать каменные глыбы, сокрушать горы и возводить города. Он болен от этого безделья, он одержим от этой жажды. Он мечтает о дне, когда снова напрягутся его железные мускулы, и сознание, к которому он призван, снова будет делом его рук.

Мы идем к тебе, Украина! Нас ждут ваши сестры, ставшие рабынями. Мы помним о наших опачах, повешенных на телеграфных столбах. Мы слышим вопли наших матерей и знаем, что отомстить за их слезы история и человечество призывает нас.

Пусть утешают себя враги надеждой на нашу слабость. Мы безразличны к их язвительной брехне. Они засматривают нас листовками, облачающими их невежество. Мы же произносим слова, подорванные выстрелами из боевых бабей: мы отступали, чтобы наступать, и смеется тот, кто смеется поземитам!

Мы идем к тебе, Украина! Мы знаем, что плох урожай на земле, вспаханной германскими пушками. Мы помним это с тех пор, когда они впервые попытались «оплодотворить» твою поля. Но разве сами они об этом забывают? Короткая память — лучшая дорога к короткому походу. Дорого обходится забывчивость, вызванная грабительскими целями.

Широк пылающий горизонт, уверенны люди нашего лагеря. Да, наступление весны — это наше наступление.

Мы идем к тебе, Украина!

II.

Пушки скажут сами за себя, но о людях должны говорить другие.

Вот полковой комиссар Зубков — комиссар славных гвардейцев Родимцева. Он сосредоточен и внимателен. Он не поднимает голоса, не прикрикивает на подчиненного. Но какой силой наполнены его слова!

До войны он был научным работником. Он изучал психологию и педогогик. Он читал самые трудные книги в типичные научно-исследовательских институтов. Но эта типичная сменялась фронтным громом. На смену уютным кабинетам пришел близкий с трюмным пахотом топасть бревен. Хладнокровие ученого стало хладнокровием полководца.

В дни, когда я познакомился с ним, командир дивизии был тяжело болен. Шли страшные бои, и немцы откатились под ударами гвардейцев. Давивший в эти дни командовавший психолог и педагог Зубков. Он не спал и не ел. Он не сидел у аппаратов. Его вздохом нырнул в снежных проталинах, как пылающее животное. Весна изуродовала дороги и перебарывала, но она не прервала пути вездесущему комиссару.

Как мог он продержаться на ногах столько суток без сна и отдыха, переходя из поля в поле, из-под минометного обстрела под артиллерийский?!

Мы идем к тебе, Украина, с комиссаром Зубковым, и я споею за твою судьбу! Я видел, как спокоен был он в минуты тягчайших испытаний. Но каким убедительным и уверенным было это спокойствие. Как тверд был он в сознании того, что ему необходимо и что он должен воплотить. Дорого стоит это железное, невозмутимое спокойствие. Это — твердость убежденного человека, невозмутимость победителя.

...И ехал в кузове грузовика, груженного бычьими головами. Сегодня Венгторг собрался кормить танкистов холодами. Рядом со мной верхом на рогающей голове сидел черный от копоти танкист

Никита Дудников. Он спешил в батальон, уже третьи сутки дравшийся без передышки.

На груди у Дудникова сверкали две Красные Звезды. Первую он получил за штурм линии Манштейна, вторую заслужил совсем недавно. Приказа в третьем награждении в части ждали со дня на день.

Это один из тех людей, которых вызывает к себе сам полковник. Как близкому другу, доверит он ему свои бесполобойство и надежду. Он прямо ему говорит:

— Спасай положение. На тебя надежда.

И Дудников садится за рычаги. Он не вылезает из машины до тех пор, пока не выполнит боевого приказа, даже в том случае, если в танке надо преследовать троих или четверо суток. Когда умолкает мотор его танка, это значит, что приказ выполнен.

В один из таких ответственных боев вражеский снаряд угодила в башню. Видно, это был термичный снаряд, так как броня слегка поддалась. Дудников был ранен. Бровь залыла лицо. Глаза слезались от томления и боли, но он не сказал об этом товарищам. Так не останавлился ни на секунду, и весь экипаж работал с таким напряжением, что и не заметил ранения товарища. И Дудников закончил бой только тогда, когда задача была выполнена. Он не в силах был вылезти из люка, его вытаскивали товарищи. Санитары промывали ему раны, а он докладывал подполковнику о количестве раздавленных его гусеницами пушек и солдат.

Мы идем к тебе, Украина, с Никитой Дудниковым, бесстрашным танкистом, гордым за изумительную машину, которую доверила ему Советская страна! Разве можно сомневаться в том, что победа за нами, если у рычагов боевых машин сидят такие люди, как он.

...И помню строгую маленькую девушку с задорными, живыми глазами и нежной шеей — Дуся Ситник, командовавшую сабельным взводом в эскадроне кавалеристов генерала Кручинина. Она была очень красива на своем скакуне, ловким хладным воздухом страстными, дождавшими поздравля.

Что привело ее сюда, в этот стройный ряд всадников, в шеренгу, ожидающую команды, чтобы сесть верхом?

С Дусей мы разговаривали на улице только что отбитого села. Она была еще возбуждена после недавнего боя. Шелки ее горелки, и каждое слово казалось полным, как сосуд. Она не слезала с разгоряченного коня, его надо было проводить, чтобы он остыл. Я держал рукой звенящее стремя, в которое была вжата маленькая девичья ножка, и слушал нестройный речевой.

Она пришла на фронт рядовым бойцом. Немалый шаг стоило ей добиться отдаления в часть. Кавалерия действовала в то время в немом строю, и Дуся Ситник дралась наравне со всеми бойцами.

Но вот в один из жарких боев был убит командир взвода. Бойцы на миг растерялись. Этот миг был краток. Но известно, что такое время на войне. Сколько жизней могла стоить краткая минута нерешительности.

В это время на ноги вскочила девушка:

— Ребята! Вас зовет Дуся Ситник! За мной, в атаку!

С тех пор она стала командовать сабельным взводом. Она села на скакунку, стремительность которого достойна ее мужества. Она рубила немцу, вдохновляла товарищей.

Мы идем к тебе, Украина, и на выручку мчится сабельный эскадрон, рассекая воздух серебряными клинками! На полном аллюре скачет вперед хрустящая душа свое нежное сердце тебе, Украина. Только любовь рождает подобную самоотверженность. Только страсть призывает к жизни чувства, которым нет предела. Месть вдохновляет на подвиги, подобные подвигам этого храброго сердца. Слова тебе, маленькая стройная девушка, слава твоей родине и твоему оружию!

...Вот стоит домик на самом краю села. В этом домике находится подполковник Алексей Минаев, командующий авиационным полком. В своих непомерно больших ло-

матых унтах, чуть медлительный и небольшой, он похож на кога в сапогах. Это один из тех советских героев, которых страна с гордостью называет своими соколами. Он не считает уже боевых вылетов, не считает воздушных боев, в которых участвовал. Комиссар полка Попадьондо утверждает, что количество их давно перевалило за полторы сотни.

Мы стояли пестри большого аэродрома, и Алексей Минаев рассказывал нам о своих наблюдениях над поведением немцев в воздухе. В последнее время они стали ловить некоторых наших доверчивых летчиков примитивной хитростью. Они устраивают немощную карусель над своей территорией, кинули из кувыркающихся, пивающих и подымалшихся штурбом «Мессеров». Они разбрасывают воздушный бой, надеясь на то, что наши патрули или сопровождающие самолеты ринутся на выручку дерущимся товарищам. Они спекулируют на единстве, на дружбе наших летчиков. Они знают хорошо, что каждый советский летчик бросится в схватку, как только увидит, что его товарищи подвергаются опасности.

Во время этого рассказа к подполковнику подошел механик и доложил, что самолет готов.

Подполковник извинился и ушел мешковатой походкой к своему истребителю. Через несколько минут он был в воздухе.

Он описал пару кругов и вдруг неожиданно для всех взял курс на запад. Затем он туда пошел, — об этом никто не знал, так как в его планы входила только проверка машины над аэродромом.

Минаев довольно долго не возвращался. Мое беспокойство вначале показалось смешным, — товарищи знали своего командира лучше, чем я. Но потом и они успокоились:

— Чорт возьми! Предостерегал дружка, а сам, чего доброго, в эту самую карусель попал.

Наконец, на горизонте появилась точка. Через десять минут Минаев вышел из самолета и с необычным для него возбуждением всаказ:

— Ишь, сволочь! Летать вздумал!

И тут он рассказал нам о том, как он четверть часа назад был «огорблен» немца. Так, знаете, минометом...

Летчики, восхищаясь «работой» подполковника, наперебой стали рассказывать о его подвигах. Их было много, и они были прекрасны и величественны. Его не пугает количество врагов. Он нападает. В винтицательная сила. Если вышлет беришася, он не выходит из боя, потому что уходящего бьет. Он помнит о товарище, — в этом сила советских соколов.

Что может быть прекраснее и благороднее убеждений Алексея Минаева? Что может быть сокрушительнее его великого мастерства? Что может быть сильнее человека, жаждущего победы? И существует ли благороднее красивее любви к своей родимой стране?

III.

Мы идем к тебе, Украина, по осенним полям, и с нами в одном ряду — комиссар Зубков, танкист Дудников, кавалерист Дуся Ситник. Мы летим к тебе в небесах, валеявших нас своей голубиной, и в строю эскадрильи рокоцут моторы Минаева, Рыкова, Буколова...

Почему немцы не называют имен? Почему их газеты, пестрящие многотрационными блефами, стилизовано умалчивают о том, кто все-таки творит чудеса, которые легче сонничать, чем сделать? «Один эфрейтор уби 300 большевиков». «Три летчика сбили 72 советских самолета»... Но кто они, эти «один», «три»?!

Мы гордимся людьми, творившими чудеса, и называем их имена с гордостью и восхищением. Мы считаем достойными войнами даже тех, кто уби только одного немца. Но если мы мало знаем о них, то только потому, что не успеваем говорить о тех, кто истребил сотни.

Придет время, и мы скажем о них. Родина не забывает своих освободителей. Она помнит тех, кто пролил свою кровь за ее просветание. Она никогда не забудет тех, кто под великим знаменем Ленина — Сталина добывает в бою нашу победу.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.